

Об ораторском искусстве Александра Керенского, встрече с батькой Махно и несостоявшемся аресте председателя Учредительного собрания Виктора Чернова

<http://oralhistory.ru/talks/orh-270>

🎙 10 декабря 1972

Собеседники

Сосинская Ариадна Викторовна, Сосинский Владимир Брониславович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 10 декабря 1972 и опубликована 14 ноября 2017.

Введение

Последняя беседа Виктора Дувакина с семьей Сосинских состоялась в начале декабря 1972 года. Во время записи на заднем плане слышатся телефонные звонки и звуки повседневной домашней жизни. Время собеседников ограничено, но структура беседы была оговорена заранее и рассказать удалось очень много. Беседа была разделена на две части. В первой Владимир Сосинский рассказал о случайной встрече с Нестором Махно в парижской фотостудии, где Сосинский работал ассистентом, и последующем долгом разговоре с легендарным анархистом. Фотопортрет Махно был передан Дувакину, мы публикуем его в этой беседе. Далее Владимир Сосинский вспоминает об Александре Керенском, под началом которого работал в газете «Дни», подчеркивая ораторские и актерские способности политика.

Вторая часть беседы — разговор об отце Ариадны Сосинской — одном из лидеров партии эсеров и председателе Учредительного собрания Викторе Чернове. Это история о победителях первых прямых демократических выборов России.

Воспоминания Владимира Сосинского

Виктор Дмитриевич Дувакин: Владимир Брониславович, предоставляю вам слово для ваших зарубежных воспоминаний.

Владимир Брониславович Сосинский: Спасибо. Маяковский в своих парижских стихах великолепно сказал о двух кафе на бульваре Монпарнас, которые находятся друг против друга, — «Ротонда» и «Дом»:

Обыкновенно

мы говорим:

все дороги

приводят в Рим.

Не так

у монпарнасца.

Готов поклясться.

И Рем,

и Ромул,

и Ремул и Ром

в «Ротонду» придут

или в «Дом».

Только старые парижане помнят, какая разница была между этими двумя кафе. В «Ротонде», которая открылась значительно раньше «Дома», бывали обычно художники и поэты, а в «Доме» к ним прибавлялись и туристы, главным образом, американцы, и поэтому многие из тех, которые бывали в «Ротонде», не ходили в «Дом», тем более, что «Дом» был чрезвычайно роскошным, фешенебельным, блестел всеми огнями, в особенности по вечерам, а «Ротонда» была скромная и всегда до конца своего существования ничем не отличавшаяся от других кафе Парижа.

Я вспоминаю «Ротонду» с особенным таким чувством любви и уважения к французской культуре. Не только потому, что там появлялся Пикассо, Шагал, Сутин. (Модильяни я уже не застал, это было... это было... он умер в 920-м году). Но вот кто часто и без конца сидел в «Ротонде» – это Илья Эренбург. Никогда он не бездельничал, он всегда писал: трубка в зубах, а если кто и подсаживался к нему, он молчал, пока он не уйдет.

Вообще, публика, приходившая в «Ротонду», часто заказывала кофе, круассан, не имея в кармане ни копейки денег, в надежде, что выручит какой-нибудь его друг. Вообще, все одалживали друг у друга, все просили в долг, никто никому не отдавал и никто не зарабатывал ничего. Это была богема, в то время, когда «Дом» – это были буржуи, аристократы. Почему я вспомнил сейчас «Ротонду»?

В.Д.: Очень интересно.

В.С.: В связи с двумя знаменитыми в свое время, я говорю о начале 20-х годов этого столетия... два знаменитых фотографа-портретиста в Париже. Это был один русского происхождения, другой – чистый француз: это Манюэль (француз) и Шумов (русский). Оба они конкурировали друг с другом в том смысле, что на интернациональных выставках получали большинство первых премий они оба. Но разница была между ними, как между «Ротондой» и «Домом». Манюэль был богат, хорошо организовал свое ателье, а Шумов ютился на пятом этаже, и никто без лифта не хотел к нему в ателье подыматься. Но лучшие портреты Анатоля Франса, Ромен Роллана и так далее сделаны все-таки Шумовым, а не Манюэлем.

Я работал тогда фотографом, помощником его, так сказать, делал оттиски, даже учился заниматься ретушью, я тогда работал у него в ателье и, в общем, присмотрелся не только к людям, которые приходили к нему, но и к его образу жизни.

” В особенности мне памятен конец каждого месяца, когда нужно было платить векселя, а у него не было ни копейки денег. И он спохватывался только накануне.

Тогда он посылал первым делом в «Ротонду» к хозяину «Ротонды» одолжить известную сумму денег. И этот замечательный, отзывчивый и милый человек, которого знал весь Монпарнас, потому что в случае беды он всегда даст и кофе и круассан бесплатно, а еще и одолжит что-нибудь.

В. Д.: Круассан?

В. С.: Круассан – это такая маленькая булочка, которая похожа на турецкий такой месяц. Поэтому круассан – это оттуда.

В. Д.: Полумесяц?

В. С.: Полумесяц. Да, и вот отсюда я и пришел к тому основному, что я хотел рассказать. Звонок в ателье Шумова. Я открываю дверь. Передо мной стоит очень такой коренастый, низкорослый, но с необычайно русским лицом, то есть скулы и нос... небольшой нос – кверху. Лицо его обезображено ударом сабли, по-видимому, так, по диагонали. Думаю: кто же это такой пришел к Шумову? А он называет не Шумова фамилию, а мою фамилию. Я его приглашаю войти, Шумова самого не было, и он представляется: «Нестор Махно».

В. Д.: Ого!

В. С.: Дело в том, что из следующих слов я выяснил, что я впервые встречаюсь с героем моих рассказов. Совсем недавно «Воля России», где я был в дальнейшем секретарем редакции, а сейчас я только был сотрудником, я напечатал свои рассказы о Махно: то, что я сам видел, то, что мне удавалось узнать из слов других.

В. Д.: О махновщине?

В. С.: О махновщине. Называлось «Рассказы о Махно», серия рассказов. И вот Махно пришел, разыскал меня для того, чтобы сказать, что я глубоко его обидел, что он и махновщина совсем не были такими, какими я их изобразил. Он с такой гордостью заявил, во-первых, что он – верный ученик Кропоткина, что Кропоткин его не раз приглашал в Москве и он бывал у него, и таким образом, говорить о том, что он был только палач и разбойник, – это несправедливо ни по отношению к истории, ни по отношению к великому движению анархистов. Вот с этого... так произошла моя первая встреча с ним*. Причем, должен вам сказать, что меня удивила собранность этого человека, крепость его и в то же время какое-то чувство достоинства, точно он действительно какой-то выделенный из общего числа людей человек, который сыграл большую роль в истории человечества.

* В книге «Владимир Сосинский. Рассказы и публицистика» приводится такое описание этой встречи: «Известно, что эта публикация вызвала негодование самого Нестора Махно (живущего тогда в Париже), и он явился в фотостудию Петра Шумова, где в это время работал В.Б. Сосинский, с целью вызвать его на дуэль. Однако до выстрелов дело не дошло, и длительный разговор несостоявшихся дуэлянтов закончился тем, что В.Б. Сосинский сфотографировал Нестора Ивановича». См. Сосинский В. Рассказы и публицистика. М. 2002. С. 425.

Очень он был самомнительный и самолюбивый, судя по всему. Он стал рассказывать немного из своей жизни, о том, как он был на каторге за то, что убил одного из полицейских в том селе Гуляйполе, где он был учителем, как он вел массы народные к просвещению, как на каторге он научился французскому языку, и так далее, и так далее. Он стал рассказывать чуть ли не всю свою жизнь. И его эта автобиография существует, ибо два тома, которые он издал в Париже и которые прислал потом мне,

находятся в наших библиотеках*.

* См. <http://bibliotekar.ru/nestor-mahno/index.htm>

В.Д.: У нас в Советском Союзе?

В.С.: Да, у нас в Советском Союзе.

В.Д.: Значит, он был по профессии учитель?

В.С.: Учителем в Гуляйполе. Затем он...

В.Д.: На каком языке эта автобиография написана? На русском или?..

В.С.: На русском языке.

В.Д.: И имеется у вас?

В.С.: И переведена на английский и на французский.

В.Д.: И имеется у нас в Ленинской библиотеке?

В.С.: У нас имеется... Во всяком случае, есть такая библиотека – Фундаментальная библиотека общественных наук при Академии Наук на улице Фрунзе, где этот томик имеется. Вот эта вещь особенно поразительна тем, что в дальнейшем я мог узнать, как он живет в Париже. Я посетил его где-то около Бийанкура, в одном из предместий, он сидел в подвале дома и тачал сапоги. Он был настоящий сапожник. Очень хорошо работал, судя по тому, что всегда были у него клиенты. Он говорит сносно по-французски, так что он не соврал, что он учил французский язык. Он и в Париже хорошо говорил, и самое забавное то, что он как будто бы занимался этим ремеслом с любовью и с таким особенным рвением, как будто в чем-то подражая то ли Кропоткину, то ли Льву Толстому, что-то такое в этом смысле казалось мне.

В.Д.: Учителям жизни.

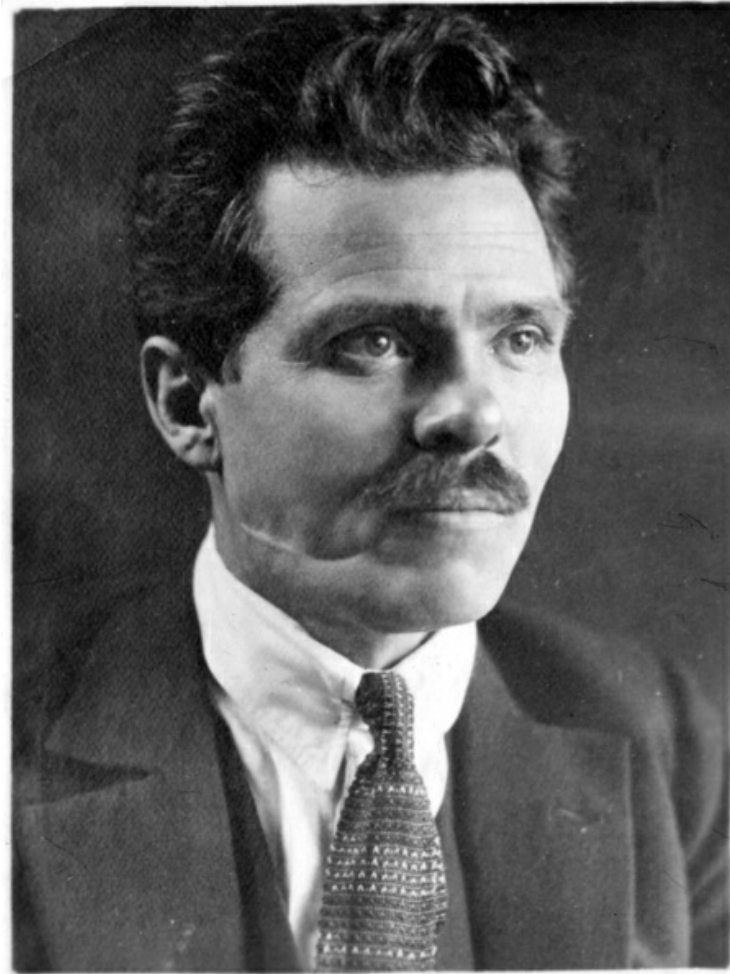
В.С.: Учителям жизни. А вокруг него были его знаменитые ученики, которые сохранили свою жизнь. Некоторые были потом судом приговорены к смертной казни, но многие остались в живых. Кажется, был в живых Кожевников, или кто-то из других, или Щусь, я не знаю точно эти имена, но они были при нем там же, приходили к нему. Очень много писем получал из Канады, из Америки и, вообще, вел жизнь такого общественного деятеля в своей, так сказать, группе, в своей... не входя в русскую эмигрантскую жизнь, находясь совершенно в стороне, не присутствуя ни на одном из митингов или заседаний эмиграции, не встречаясь ни с кем из таких людей, как Милюков или Керенский, а ведя свой образ жизни сугубо монашеский и нигде, так сказать, не появляясь.

В.Д.: Владимир Брониславович, можно вопрос? Это относится, вот эта ваша первая встреча, к двадцать?..

В.С.: Я думаю, к 30-му году уже.

В.Д.: К 30-му году?

В.С.: Да.

Нестор Махно. Париж, 1928. Фото В.Б. Сосинского. Дар В.Б. Сосинского В.Д. Дувакину

В.Д.: Тогда я не совсем понял. Вы говорите: «Некоторые были потом приговорены к смертной казни». Каким судом?

В.С.: Вот я например, прочел в...

В.Д.: Ведь они же... Не французский же суд их приговорил? Они же не возвращались.

В.С.: Нет, советский. Дело в том, что вылавливали их довольно... много лет спустя.

В.Д.: Это что ж, после войны, что ли?

В.С.: Нет, например, я помню, что кто-то из них, например, был приговорен к смертной казни в 28-м году, а не в 20-м или 22-м.

В.Д.: А вы сказали, что видели его в 30-м. Или вы оговорились?

В.С.: Нет, мы встретились в 30-м году.

В.Д.: Так. Но при нем были еще вот эти самые, которые...

В.С.: Нет, я хочу сказать, что некоторые, значит, погибли там, в России, в Советском Союзе, а другие вместе с ним ушли из Румынии, из Польши, они там различными путями шли.

В.Д.: Значит, те, которым удалось попасть за границу, те продолжали оставаться при нем. Просто это вы не

совсем ясно высказали.

В.С.: Ну, вот это то, что я хотел сказать об этой удивительной встрече, которая мне запомнилась. И в общем, образ его очень трудно нарисовать настоящий, потому что в нем не было ничего такого исключительного или интересного, кроме тех подробностей, которые я дал.

В.Д.: А он автобиографию, когда вы с ним встретились, еще не писал?

В.С.: Писал.

В.Д.: Уже писал?

В.С.: Да. А через год после этой встречи он мне прислал первый том.

В.Д.: Куда прислал?

В.С.: Вот фотографу Шумову.

В.Д.: То есть в Париже еще.

В.С.: В Париже, да.

В.Д.: А вы какое отношение имели к этому самому Шумову?

В.С.: Просто в поисках работы я наткнулся на него, и он мне предложил работать у него в ателье.

В.Д.: Значит, вы были помощником этого фотографа?

В.С.: Да, просто служащим у него. Там было у него человек шесть – семь.

В.Д.: Ах, так! Значит, это до вашего отъезда из Парижа в Нью-Йорк?

В.С.: Да, значительно! 28-й год или 29-й, вот так примерно.

В.Д.: Владимир Брониславович, ваши все рассказы один другого интереснее! Вы очень интересно связали это с основной нашей темой, с которой мы начали с вами три года назад – с Маяковского. Вы знаете, это ж целые открытие. Ведь для нас это все равно: ну в «Ротонду» придут или в «Дом» – все равно, а оказывается, это разные вещи.

В.С.: Абсолютно!

В.Д.: Это комментарий к Маяковскому. (*Смеется.*) Интересно. Но раз уж вы коснулись ваших некоторых встреч с нашими политическими деятелями, может быть, вы расскажете и о других, кого вы лично знали?

О встречах с Керенским

В.С.: Скажите, Виктор Дмитриевич, я кое-что вам рассказывал тогда об Александре Федоровиче Керенском?

В.Д.: Нет-нет-нет, тогда не состоялась запись.

В.С.: Нет?

В.Д.: Нет, это все вместе, да, вы тогда мне рассказывали только литературные воспоминания, а сейчас вот так человечески о... Я ничего, между прочим, ни о Керенском, ни о Милюкове никогда нигде...

В.С.: До сих пор не записывали?

В.Д.: Нигде ни у кого ничего, а, между прочим, и тот, и другой у Маяковского фигурирует. И о том, и о другом мне приходилось писать комментарии для детгизовских изданий для знакомой вам редакторши Анны Викторовны. Ну, мы, конечно, писали политическую характеристику, а что это за люди? Вы помните,

как Маяковский дает Керенского? Вы помните эту главу?

В.С.: Запомнил.

В.Д.: В поэме «Хорошо», очень иронически. Я позволю себе...

В.С.: Напомните, напомните.

В.Д.: Он дает:

Царям

дворец

построил Растрелли.

Цари рождались,

жили,

старели.

Дворец

не думал

о вертявом постреле,

не гадал,

что в кровати,

царицам вверенной,

раскинется

какой-то

присяжный поверенный.

От орлов,

от власти,

одеял и кружевца

голова

присяжного поверенного

кружится.

Забывши

и классы

и партии,

идет

на дежурную речь.

Глаза

у него

бонапартьи
и цвета
защитного
френч.
Слова и слова.
Огнесловая лава.
Болтает
сорокой радостной.
Он сам
опьянен
своею славой
пьяней,
чем сорокаградусной.
Слушайте,
пока не устанете,
как щебечет
иной адъютантик:
«Такие случаи были –
он едет
в автомобиле.
Узнавши,
кто
и который, –
толпа
распрягла моторы!
Взамен
лошадиной силы
сама
на руках носила!»
В аплодисментном
плеске
премьер
проплывает

над Невским,
и дамы,
и дети-пузанчики
кидают
цветы и розанчики.

Если ж
с безработы
загрустится
сам
себя
уверенно и быстро
назначает –
то военным,
то юстиции,
то каким-нибудь
еще
министром.

И вновь
возвращается,
сказав,
ворочать дела
и вертеть казну.

(...)

«Аграрные?
Беспорядки?
Ряд?
Пошлите,
этот,
как его, –
карательный
отряд!
Ленин?
Большевики?»

Арестуйте и выловите!

Что?

Не дают?

Не слышу без очков.

Кстати...

об его превосходительстве...

Корнилове...

Нельзя ли

сговориться

сюда

казачков?!

(...)

Пришит к истории,

пронумерован

и скреплен,

и его

рисуют –

и Бродский и Репин.

Вот интересно: с одной стороны, конечно, отчетливый иронический тон, это написано все в 27-м году, в поэме «К десятилетию Октября», с другой стороны, такая характеристика – «огнесловая лава». Значит, оратор он был, очевидно, очень интересный.

В.С.: Очень сильный.

В.Д.: В общем, а теперь вы. Это так, как запечатлелось у Маяковского. Причем я не знаю, видел ли он его или не видел – это тоже интересно. Может быть и видел, а, может, только по рассказам. В Петербурге он был в это время.

Теперь расскажите об Александре Федоровиче как просто о человеке, с которым вы встречались, как о знакомом.

В.С.: Да, мне было бы это очень приятно вспомнить, потому что два момента, которые даже связывают Александра Федоровича с литературой, а именно, с Мариной Цветаевой.

В.Д.: Вот как!

В.С.: Да. Сейчас я вам расскажу, как все это произошло. Но мне хотелось бы раньше сказать на тему, которой вы коснулись, насчет того, каким был оратором Александр Федорович. Я сам с большим сомнением относился к его ораторским способностям, когда встречал его в редакции газеты «Дни», где...

В.Д.: «Дни» или «День»?

В.С.: «Дни» – множественное число.

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК под редакцией А. Ф. КЕРЕНСКОГО

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
9-bis, RUE VINEUSE, PARIS (XVI)
ТЕЛЕФОН: PASSY 89-61

№ 6

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14-го ОКТЯБРЯ 1928 г.

№ 6

Содержание:

А. Керенский: Голос издалека (о борьбе по закону; о рабочих тегемиях).
Ив. Егоров: Что делать?
Из России пишут: 1) Оппозиция на Украине (письмо из Киева) 2) Демон поворот? (Письмо из Москвы); 3) Волнения на фабрике им. Клары Цеткин (письмо из Петербурга) 4) Сталинский бонус (письмо из Кюльма); 5) В горах Дальнего Востока; 6) Из дальних мест.
Об антикоммунизме (голос московского евра).
Русско-французские родственники (из переклада).
Современники: Политическая заметка (О «Царской Восточной,

метрополитана Антония, о «Русском Колоколе» проф. Ильина, о рабочих «Днях», издательском «Рухе» и безстрашных «Известиях».

А. Мараини: Советская действительность в изображении коммуниста Кургузина.

Литература и искусство: О Толстом; гармония; участие России; книга в России; новые книги.

А. Петросов: Из мира рабочего движения и социализма (по поводу съезда в Берлине; 7-ое октября в Австрии).

Кремль и иностранные: история договоров Юнкера; Лезингов против Чехарина?

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

17. О борьбе по закону

Ниже в статье «Что делать» — автор ее, провозглашая (отмиску для Бухарина) стороннисто-христианского, — ставит современной вопрос о тактике, о средствах преодоления большевистской диктатуры.

Впрочем, он не только ставит этот вопрос перед нами, но и разрешает его для себя, для той деревенской среды, которую он провозглашает. Людям, знакомым со спорами о путях борьбы (тактике) в истории нашего освободительного движения при царском самодержавии, бросится сразу в глаза, что тактический рецитив нашего автора крайне напоминает то, что при старом режиме называлось — на несоборно благозвучном подпольном жаргоне — использованием легальных (законных) возможностей.

Особо «революционные» марксисты называли такую по внешности чрезмерно мирную борьбу — лавиндаторством, как бы отжизном от революции, самоуправадившим.

У наших зарубежных бомбометательных активистов предлагалась в статье «Что делать» законопослушная тактика вызовет, наверное, тоже одно только раздражение. Что, мол, это за борьба: участие в кооперативах, сельсоветках, просветительных кружках и т. д. и т. д. Какое-то утилитарное дело в то время, когда нужно его горение, жертвенный подъем...

Душевно понятное, это рассуждение в деловом смысле неправильно и ошибочно. Достаточно внимательно прочесть самую статью «Что делать», для того, чтобы убедиться: работа на почве законных возможностей для ее автора отнюдь не является самоцелью, а только средством подбора людей, обучивших их умению общению, работе, выработке крепкого и дружного товарищества. Не нужно еще при этом забывать, что такие, весьма ценные, подготовительные для окончательной освободительной борьбы последствия «законо-

послушной» тактики рождаются из деятельности самой по себе для населения полезной.

Лично и тактику «законных возможностей» в полной мере понимаю и разделяю. Все время своей политической работы до революции и впоследствии, убежденным и делом, боролся с разными, очень принятыми в левых, особенно в социалистических кругах, божкотами, «невождевизмом», неучастием, уходом и т. п. Вопреки партийным приказам (директивам) бойкотировать Государственную Думу, и в нее вошел. Не пропустил ни одной законной возможности устроиться в или иное профессиональное, культурное или политическое общество, в котором затем собирались здоровые, подлинно-действенные (активные) демократические — рабочие, крестьянские, интеллигентские — силы. Администрация и полиция преследовали наши начинания, закрывая библиотеки, просветительные общества, газеты, профессиональные союзы, выселяли, а часто и ссылали отдельных наиболее энергичных работников. Но дело освободилось крепко, силы росли, политическое сознание развивалось, товарищество закалялось. А в темные годы третьей Государственной Думы, в годы наибольшего развития общественной усталости и политического разочарования, не было ничего бесплодного и вреднее, чем всякие неспиритируемые революционные крайности (максимализм), с их бессмысленным вызовом террором и экспроприациями, выродившимися в грабжаж и законными обманщиками еще дальше в их моря.

Сейчас в России, и в деревне и в городе, нужно делать именно то, что предлагает автор «Что делать» и что до революции делали мы — «законопослушные» революционеры — в царской России. Участвовать, несмотря ни на что, во всех политических избирательных кампаниях, — на съездах советов и в местные советы. Проникать в кооперативы и во все прочие, всякого дозволительных, хозяйственные организации. Работать во всех культурных обществах и кружках. Пробиваться — хотя бы письмами в редакцию — в местные газеты. Требовать исполнения буквы так называемой «советской конституции». Избегать злоупотребления советских и партийных стрелок, повестями предраспадения партийную славянтку в критику провозглашенной партии.

Конечно, перечислить все нужные для борьбы на

LIBRARIUM.FR

Первая полоса газеты «Дни». 14 октября 1928 г.

В.Д.: Это какая-то другая. Известна у нас была газета «День», эсеровская.

В.С.: Да. Но это была газета «Дни». В Париже издавалась. Дело в том, что... раз уж мы заговорили об этой газете... так как я что как раз... тогда узнал о существовании этой газеты, потому что в ней появилась заметка. И вот я эту коротенькую заметку прочту, и тогда вам, Виктор Дмитриевич, станет яснее, какая путаница была тогда в эмиграции, что обо мне никаких, так сказать, сведений настоящих не было. Называется так: «Талантливый пролетарский писатель Герасимов в сборнике своих стихов пишет:

Какая боль! Какая боль!

Бульварным фонарем качается

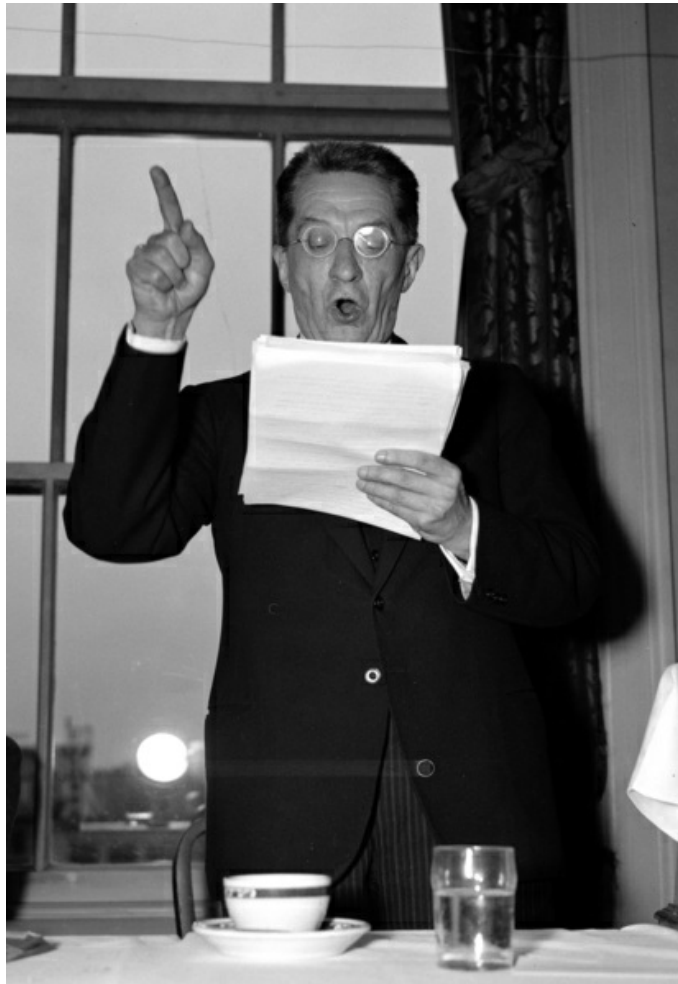
Голова моя, зияя неостеклененными рамами.

Другой, тоже талантливый и тоже пролетарский, писатель Сосинский пишет прозой статью с многозначительным заглавием „Улыбка на затылке“. И дальше: „...у одного фонарем качается голова, у другого – улыбка на затылке. Однако до чего доводит талантливых пролетарских писателей самогон и коммунистический режим“». (Смеются.) А я спокойноенько живу в том городе, где печатается такая заметка.

В.Д.: То есть это написано тогда, когда вы уже были за границей?

В.С.: Нет. Это было в 1925 году, когда я жил в Париже и разбиралась наша брошюрка небольшая, которая была издана в Берлине, из нашей берлинской эпохи, о которой вам тоже надо когда-нибудь обязательно записать или у Вадима Андреева или у тех, кто помнит ту эпоху. Это была поразительная эпоха!

Так вот, Александр Федорович издавал эти самые «Дни», которые зачислили меня в пролетарские писатели, хотя я уже сотрудничал в «Днях» и можно было бы, наконец, догадаться, что это Сосинский – тот самый, который входит в «Дни». Обычно, когда я входил в редакцию, а Александр Федорович быстро выходил из своего кабинета, он, значит, останавливался передо мной, прищурился и смотрел на меня таким взглядом, чтоб показать, вот, мол, как я все хорошо помню и как я все хорошо вижу, и как я хорошо знаю: «Ладинский!», – и показывал на меня пальцем. Как вы знаете, пальцем показывать не очень-то удобно. *(Смеется.)* А я говорю: «Нет, Сосинский». Он: «Ах, ну какая разница! Сосинский – Ладинский – это все ж молодая зарубежная литература, какое это имеет значение!» В общем, вот в таком духе говорил, как будто бы, так сказать... ну что для него закон не писан.

А.Ф. Керенский на выступлении в Национальном пресс-клубе. Вашингтон, 21 апреля 1938 г. Фото Harris & Ewing. Собственность Библиотеки Конгресса США

В.Д.: А существует при этом Ладинский?

В.С.: Ладинский, да, он вернулся в Советский Союз, написал несколько исторических романов, вот. Из них наиболее известная книга, которая издана вот здесь, вот эта, и еще кое-какие другие книги.

В.Д.: «Последний путь Владимира Мономаха».

В.С.: Да. И вот я помню, как я однажды сказал: «Александр Федорович, а как вы на фронте разбирались в полках?» А он говорит... подошел ко мне и как бы клюнул мне носом в плечо: «По погонам, по погонам!». Различал, значит, военнослужащих. Я говорю: «Позвольте, Александр Федорович, ведь погоны же не были в последнее время, потому что... чтоб не давать возможность немцам узнавать, какие полки. Погоны ведь... никаких значков на погонах не было» — «Ну, я не знаю, не помню, как!» Во всяком случае он, как видите, очень так легко бросал слова туда-сюда, и казалось бы, что это человек как бы совершенно не серьезный и не солидный. И вот такое у меня отношение было чуточку насмешливое к нему. Я никогда не думал, что он может быть настоящим большим оратором. И вот однажды в большом зале, я теперь уже не помню, какой это был зал, не там, где Маяковский выступал, другой.

В.Д.: Тоже в Париже?

В.С.: В Париже.

В.Д.: А в каком зале Маяковский выступал, вы говорили уже, да?

В.С.: Я как-то уже теперь забыл. <Нрзб> еще не было, но помню, что где-то там довольно большой зал. Но если, скажем, Маяковский выступал в зале, где было пятьсот человек, то это происходило в зале, где было тысяча человек, где выступал Александр Федорович. Выступал он редко очень. И вот один из редких вечеров я посетил, именно в стремлении узнать, какой же он был оратор.

Когда он вышел на эстраду, там стояла такая кафедра, но он к кафедре даже не подошел, микрофонов тогда еще не было. И раздался вой, свист, крики: «Продал Россию!» и «Что сделал с царем?!» и так далее. Причем должен вам оказать, что аудитория была ну почти на 90% белогвардейская, бывшие участники «белого» движения. Там почти не было никого из эсеров и так далее, потому что в партии тоже Керенского не уважали и не любили, и мало кто ходил на его выступления из эсеров, из социал-демократов. А вот белогвардейцы почему-то тянулись к нему (*усмехается*), и ходили, можно сказать, массой.

В.Д.: Тянулись, но ругались.

В.С.: Но ругались отчаянно. И он ходил по сцене, не обращая внимания на этот вой, ничего не говоря, ожидая, когда все это стихнет. Поначалу... первые слова, которые прозвучали через этот шум, были слова плохо произнесены, синтаксически плохо составлены, и, если можно так сказать, они были произнесены заикой, то есть никаких качеств оратора, никакого красноречия в том, что он говорил поначалу, не было. Но в какой-то момент, вот в какой момент, это я уже сейчас не могу сказать точно, вдруг он преобразился.

И тут началась необычайная схватка, схватка одного человека с тысячной аудиторией. Он перехватывал слова, он перехватывал возгласы, он ловил ту или иную на себя инсинуацию и отвечал обратно такими стрелами, такими ударами, что тем, кто нападал, не поздоровилось бы, никакой, никаких...

И вот я вспоминаю, например: «Где вы были, когда я старался всеми силами спасти жизнь вашего царя?! Теперь-то вы расхрабрились здесь, за рубежом! Почему вы палец о палец не ударили для того, чтобы спасти вашего богоуважаемого... и так далее, богопоставленного царя, а я, социалист-революционер, который люто его ненавидел, я его спасал!» В общем, бесконечные такие пируэты, которые в конце концов всю эту массу и весь этот зал превратили в людей, восторженно приветствовавших его. Это было какое-то колдовство, которое могло бы напомнить ну, что ли, средневековье, какое-нибудь, понимаете ли... какую-то такую вещь, которая действовала на психологию толпы, как какая-нибудь ведьма, которая делала что-то совершенно... Я вспоминаю, когда были процессы и которые заканчивались сжиганием ведьм – вот эти бесконечные вещи завлекали толпу, тут неожиданно свершалась такая какая-то мистерия.

Я думаю, что такого оратора, как Керенский, трудно найти в анналах русской истории. Он сумел зажигать

неизвестно чем, неизвестно как и неизвестно почему. Уже потом, когда вы читали это в стенографическом отчете, вы ничего не видели из того, что происходило. Это было исключительно основано на чувстве.

В.Д.: Чисто эмоционально?

В.С.: Эмоционально, только эмоционально! Как вы знаете, писатель он был плохой, публицист он был плохой, передовицы его всегда были очень скучны. А вот эта вещь совершенно меня потрясла.

Ну тогда, я думаю, что у нас уже время на исходе, нет?

В.Д.: Нет-нет, ничего, продолжайте.

В.С.: Александр Федорович был очень хорошо... это заметил в своем рассказе еще Бабель, он был и близорук, и как-то наивен. Я вспоминаю такую вещь. Попросила Марина Ивановна Цветаева, а она жила в семье моей жены вместе с Сергеем Яковлевичем, с Муром, ее сыном и Ариадной Сергеевной, ныне проживающей в Москве на рю Руве.

В.Д.: Где?

В.С.: На рю Руве — это Порт де ля Вилет*.

* Район на северо-востоке 19 округа Парижа.

В.Д.: Это в Париже? Это уже после Праги?

В.С.: Да. В связи с этим мне хочется вам прочесть маленькое письмецо, которое мы получили на днях от Ариадны Сергеевны. Это вас введет в тот момент. Мы спросили Ариадну Сергеевну, не нужно ли что-нибудь от Парижа или Женевы, она говорит: «Нет, ничего не нужно. Единственно, что мне хотелось бы, чтобы вы посмотрели на все и на вся немного и моими глазами, немного и за меня. Основное, если кто что-нибудь вспомнит в разговоре ненароком о маме, папе, запишите вкратце – все важно: современников, непредвзятых свидетелей все меньше и меньше, и память человеческая все короче и туманней. Мы все в неоплатном долгу перед будущим за прошлое. Постараемся же хоть по мелочам, хоть кто как может, но расплачиваться. А чтобы многое воскресло, побывайте на Порт де ля Вилет, пройдите по каналу де л'Урк. Не тени, а живые, живое обступит вас. Может, удастся и сфотографировать тот дом и кусочек канала вдоль которого мы с мамой и Лисевной (это мать Ариадны Викторовны [Сосинской] – Ольга Елисеевна, она звала ее Лисевна, от слова «лиса») погуливали Мура. Дай бог, чтобы все вам удалось, чтобы поездка состоялась и ничем не омрачилась, и чтобы неизбежная печаль встречи с прошедшим была легка».

В.Д.: Замечательное письмо, боже мой! Она, собственно, говорит о том, ради чего...

В.С.: Чем вы занимаетесь.

В.Д.: Я вот расшибаюсь и стараюсь это все сделать. Ну, продолжайте.

В.С.: Так вот, в этом самом домике около Порт де ля Вилетт жила Марина Ивановна, Сергей Яковлевич, Мур и Ариадна Сергеевна в семье моей жены.

В.Д.: Простите, а вы о Керенском кончили?

В.С.: Вот это я и веду к этой встрече.

В.Д.: Потому что вообще о том, что вы жили вместе, это вы рассказывали.

В.С.: Да. Марина Ивановна захотела, чтобы я привез из «Дней» Александра Федоровича на ужин. Ну, и Александр Федорович согласился. У меня денег не было на такси, и я его вез в метро. Ну и, конечно, в метро мы стояли оба и беседовали на разные политические темы, и я говорил все, что я думал о Советском Союзе, об эмиграции, о Февральской революции и прочее, и прочее. Я почему это говорю, потому что вы увидите, что произошло в дальнейшем.

Прошло два – три часа, уже было выпито за столом. Александр Федорович очаровывал Марину Ивановну. Марина Ивановна была в восторге от всех его высказываний, хотя некоторые высказывания были очень дерзкие и наивные. Но что Александр Федорович думал и как он представлял себе окружающее... Через какие-нибудь три часа после нашей поездки в метро он уже говорил такую фразу: «Вот, Марина Ивановна, беда у нас с молодежью в эмиграции. Черт знает куда она уходит! Вот я с каким-то оболтусом ехал в метро, и он мне рассказывал такую чепуху, что в Советском Союзе интересные вещи происходят, что там замечательная литература, что там строится новая жизнь. Подумайте, какая зараза уже проникла сюда». И он даже не замечал, что я сижу за тем же столом, вместе с ним (*смеется*), ем ту же еду!

В.Д.: (*Смеется*) Так он вас тут же...

В.С.: Тут же забыл. Вот какая странная, хаотическая была у него, так сказать, манера чувствовать и беседовать.

Марина Ивановна переспрашивала много раз его фразы, повторяла их и удивлялась тому или иному высказыванию, а все это было действительно как-то очень нелепо, смешно и со стороны непонятно, тем более что этим грехом немножко и Марина Ивановна страдала, чтоб, понимаете ли, чуточку обинфантить высказывания того или другого человека. Вот примерно так.

В.Д.: А это не была игра?

В.С.: Похоже было и на игру, похоже было на игру. Но то, что он меня забыл, – это естественно, это было совершенно точно. Он меня забыл совершенно, с кем он разговаривал, он же не мог себе позволить назвать меня оболтусом или что-нибудь в этом роде в присутствии...

В.Д.: Вы этого, так сказать, просто «не заметили», да?

В.С. (*усмехается*): Я это «не заметил», что было делать! Ну вот на этом разрешите пока закончить.

В.Д.: А, вообще, вы еще встречались с ним? Насчет Керенского еще... Кстати, Керенский или Керенский?

В.С.: Я даже не помню, как мы говорили. Керенский.

В.Д.: Керенский.

В.С.: Я уступаю место Ариадне Викторовне, которая расскажет еще об одном политическом деятеле, о котором я ничего вам не рассказал.

В.Д.: Это я помню, это за ней, но я хочу ее на обороте... через десять минут тут кончится эта... пленка, а за вами тут...

В.С.: Должок?

В.Д.: ...еще тут должок. Потому что раз вы начали двигаться «вправо», то давайте и процесс уже истории тоже зафиксируем – Милюкова.

В.С.: Нет! О Милюкове разве я вам обещал? Милюкова... я встречал его на лекциях, встречал в редакции, перебрасывался несколькими словами. Был я на одной лекции вместе с Бабелем.

В.Д.: На лекции Милюкова?

В.С.: Да.

В.Д.: Бабель был на лекции Милюкова?

В.С.: Да. И Бабель был в совершеннейшем восторге от этой лекции. Ну, дело прошлое, давнишнее, можно теперь уже и правду сказать. Бабель сказал (*смеется*), что это самый лучший оратор и лектор, которого он когда-либо слышал, что он в восторге от этой удивительной умственной работы этого человека, и мне напомнил даже, а я ему сказал: «Ну что же, это – голова!» Как у Ильфа и Петрова в Остапе Бендере: «Да,

голова!»

Он был в восхищении – о манере его говорить, даже удивлялся тем мыслям, которые он высказывал, а меня они совершенно не трогали. Так что как-то Бабель был совершенно очарован этим нашим специалистом по Дарданеллам.

В.Д.: А что, это была публичная лекция?

В.С.: Публичная лекция. Она больше касалась...

В.Д.: Политическая лекция?

В.С.: Нет, она больше касалась, скорее относилась к его работе над русской культурой, к какому-то периоду русской культуры была посвящена эта лекция.

В.Д.: К какому, не помните?

В.С.: Не помню. Дело в том, что я несколько лекций его слышал. Я не помню, какую слышал Бабель лекцию. Во всяком случае, эта известная его книга «Очерки русской культуры», правда?

В.Д.: Да, но я, к сожалению...

В.С.: Она захватывает, кажется, время, начиная со Смутного времени, с эпохи Лжедмитрия, и кончая XIX веком. Она не захватывает всю историю России, поэтому он и назвал это «Очерки русской истории».

В.Д.: Да, у него ведь там были... А где он преподавал?

В.С.: Эта лекция где состоялась?

В.Д.: Во-первых, и где он преподавал вообще?

В.С.: Лекция состоялась в редакции «Русские новости», там ведь было довольно...

В.Д.: (удивленно переспрашивает) «Русские новости»?

В.С.: Нет, простите, «Последние новости»! И значит, организатором было это самое... организация, она и слово имела, «демократическое» заключала в себе, но полное название я не помню.

В.Д.: Партия сама?

В.С.: Да, милюковская партия*.

* Возглавляемая П.Н. Милюковым в эмиграции партия с 1924 г. называлась Республиканско-демократическое объединение.

В.Д.: Но это была, как это, сейчас... Партия народной свободы, или Конституционно-демократическая партия.

В.С.: Да, но она, кажется, в Париже какие-то другие буквы приобрела.

В.Д.: А-а! Отсюда у нас – ка-деты, кадеты – конституционно-демократическая...

В.С.: Правильно.

В.Д.: Социал-демократы – это меньшевики, большевики.

В.С.: Я помню РОД – это Русское объединение демократов, вот что-то вроде этого.

В.Д.: Это была, так сказать, организация кадетов.

В.С.: И каждый месяц тот или другой член партии читал вот доклады на разные темы.

В.Д.: А он за границей, насколько я слышал, создал, собственно, целую плеяду учеников-историков. А где он читал лекции?

В.С.: Ну, в Сорбонне он не читал. Вы знаете, что в Сорбонне был ряд русских ученых, которые читали на русском же языке различные доклады. Так, например, знаменитый у нас в эмиграции, знаток русского языка Кульман преподавал русский язык и русскую культуру в Сорбонне. Там же подвизались такие люди как Гофман Модест...

В.Д.: Модесь Гофман! Поэт и критик.

В.С.: Читал о Пушкине серию. Там работала жена Алексея Михайловича Ремизова – Серафима Павловна Ремизова-Довгелло. Она читала доклады о старинных русских рукописях. Довольно большой круг русских ученых работал в Сорбонне, для французов, изучающих русский язык, и для русских, находящихся, для всех, кто желает послушать эти лекции как вольнослушатели.

В.Д.: Но курса университетского...

В.С.: Я не вижу, где бы он мог читать курс.

(Пропуск в записи.)

В.А. Маклаков, посол России во Франции. 1917 г. Фото Agence de presse Meurice. Собственность Национальной библиотеки Франции

Вот еще, может быть два слова, скажу вам о замечательном ораторе, такого хорошего, ну русского стиля, и прекрасно строившего и фразы и саму лекцию – это был Маклаков.

В.Д.: Это тот, который был членом Государственной Думы?

В.С.: Не только членом Государственной Думы, но и был послом Временного правительства в Париже.

В.Д.: А-а-а! И держал посольство, пока...

В.С.: ...не восстановились отношения, совершенно верно. И он очень корректно сдал все имущество, принадлежавшее Российской империи, без всякой демонстрации, так сказать, официально и точно.

В.Д.: Сдал Красину?

В.С.: Да. И стал как бы негласным председателем Комитета по делам беженцев. Он был связан с Нансеном, и поэтому паспорта для путешествия во всем мире мы называли нансеновскими. Причем, Нансен был во главе беженцев всего мира, а он занимался...

В.Д.: Не только русских?

В.С.: Не только русских, а Маклаков занимался русскими.

В.Д.: Тоже не знал. Самого Нансена мы, конечно... и в Советской России очень чтили, потому что он стоял во главе АРА*.

* АРА (от АРА — American Relief Administration) — Американская администрация помощи. Фритьоф Нансен не возглавлял ее, а совместно с ней участвовал в помощи голодающим в СССР в 1920-е гг.

В.С.: Да!

В.Д.: И вот той самой Лиги спасения детей, в колонии которой я познакомился (*смеется*) полвека тому назад с Ариадной Викторовной и Пляттом – как-то Нансен имел к этому какое-то отношение. Мы были детьми, конечно, не очень разбирались, но я знаю, что имя его упоминалось как-то.

В.С.: Конечно.

В.Д.: А вот отца вот этого теперешнего писателя-то ихнего... (*вспоминает фамилию*) Набокова...

В.С.: Отца? Он же был убит в Берлине.

В.Д.: Вы с ним не встречались?

В.С.: Нет. Он был убит в 22-м году.

В.Д.: А самого Набокова вы знали?

В.С.: Сирина?

В.Д.: Да.

В.С.: Да, но знал не очень близко, а так... на вечерах встречались, иногда несколькими словами отрывочными обменивались, но ни дружбы, ни длительного знакомства у меня с ним не было. Но раз мы о нем заговорили, если вы просмотрите журналы того времени...

В.Д.: Какие? Наши?

В.С.: Издававшиеся за рубежом.

В.Д.: Ну это я не видел.

В.С.: Да. Ну, скажем, такие, как «Современные записки», «Воля России», «Русская мысль» и так далее.

В.Д.: «Русская мысль» продолжала издаваться?

В.С.: Продолжала издаваться, но потом она быстро кончилась, то там в статьях и обзорах о молодой эмигрантской литературе обычно упоминается три имени прозаиков и много имен поэтов. Поэтов возглавлял Борис Поплавский, а ваш покорный слуга числился в тех трех прозаиках, которых я вам назову: Сирин Владимир, это и есть Набоков, Гайто Газданов...

В.Д.: Это кто такой?

В.С.: Вот, это молодой автор, от которого пришел в восторг Максим Горький, ему написал несколько восторженных писем с острова Капри... и ваш покорный слуга – вот этих трех прозаиков выделяли в эмиграции в течение... скажем, начиная с 25-го по 30-й год, вот так, в течение семи – восьми лет. Потом мы перестали печататься, а Сирин продолжал работать. И если вы возьмете недавно вышедшую его книгу на английском языке, там вы с удивлением прочтете, как он рассказывает об одном изумительном русском писателе, который появился неизвестно откуда и как, и исчез неизвестно как. Фамилия его — Сирин Владимир. О себе он дает очень лестную на нескольких страницах, превосходную справку.

В.Д. (усмехается): Уже под своей фамилией?

В.С.: Да! Но те, кто не знает, что Сирин – это есть Набоков, так сказать, с удивлением это прочтут, что был такой писатель, который был-был-был – и исчез, неизвестно, где он, что с ним, как. А он просто поменял фамилию. Взял свою настоящую фамилию, уже после Отечественной войны.

В.Д.: Он жив?

В.С.: Набоков? Конечно! Он написал только что огромный том в тысячу страниц своего романа «Ада», типа «Лолита», но еще, так сказать, значительней, в смысле философском.

В.Д.: Я читал только один сборник его рассказов, как-то мне... И потом вот эта его – «Защита Лужина».

В.С.: Это из жизни Алехина он, под впечатлением Алехина...

В.Д.: Это Алехин?

В.С.: Алехин. А дело в том, что сам Набоков был неплохой шахматист, и он...

(Запись обрывается.)

Воспоминания Ариадны Сосинской

В.Д.: Ну, Ариадна Викторовна, выполняйте вашу программу. Что вам хочется? Вы хотите об отце рассказать?

А.С.: Да, я хотела бы рассказать... просто свои личные воспоминания об отце.

В.Д.: Конечно, это право каждой дочери *(смеется)*, и тем более, когда ее отец был все-таки фигурой, как бы к нему ни относиться, во всяком случае, крупной...

А.С.: Отец мой родился на Волге, и был очень-очень русский, и по вкусам своим, и по... голос его и манеры – все в нем было страшно русское. Он был среднего роста, очень широкоплечий и крепкий и любил говорить о себе: я неладно скроен, да крепко сшит. Он никогда не болел, не помню его никогда, кроме разве что маленьких простуд, и к зубному врачу он, кажется, только на шестом десятке только обратился. Но рано очень поседел, у него была большая грива белых волос. Я помню, как в Берлине, в 20-х годах ему уступали место в автобусах, в трамваях, и как ему это было тяжело. Он просто обиженно смотрел, потому что чувствовал себя очень сильным, и только по белым волосам можно было видеть, что это не молодой человек.

В.Д.: Какой его год рождения?

А.С.: Его год рождения – 76-й, и тогда ему, значит, было пятьдесят с чем-то лет. И был он необычайно сильный. Я помню, как один его товарищ, молодой еще человек увлекался джиу-джитсу, и отец сказал: «Ну, посмотрим, что ваша джиу-джитсу – ничто перед моей силой!» И действительно, собрав всю, он был необычайно силен физически, он схватил и поднял его на воздух с необычайной быстротой и не дал ему возможности применить свои приемы, которые были рассчитаны на какие-то... Ну, конечно, это был любитель, настоящий, может быть, борец и иначе бы с ним обошелся, но он очень гордился своей силой и любил ее. Вообще, характерно для него было смешение двух совсем разных вещей. С одной стороны, он как бы был кабинетным ученым, всегда сидел у себя, массу писал, мог писать целую ночь напролет. Писал он на длинных листочках бумаги, очень длинных и узких, таким убористым, очень ясным и крепким почерком. Массу читал, ну он жил в то время, когда еще можно было быть универсально образованным, потому что не было все-таки такой в науке...

В.М. Чернов. Париж, 1933. Автор фото Шумов. Источник фото: www.vnikitskom.ru

В.Д.: Специализации.

А.С.: ...специализации, и был он в этом смысле таким настоящим ученым, очень много занимался умственным трудом. А с другой стороны, он был очень близок к природе. Он страшно любил рыбалку. Он на Волге научился, знал все приемы рыбаков, все хитрости рыбы, и самой его большой страстью на всю жизнь, его хобби, как теперь говорят, была рыбная ловля.

Кроме того он чудесно грибы брал. Ему стоило прийти в лес, повести носом, и он уже сразу знал, даже в незнакомом лесу, где и какие грибы могут быть, надо ли идти по опушке или посередке леса.

Очень он хорошо пел. У него был очень хороший баритон и слух совсем необычайный, хотя он музыкой не занимался, но, как у многих русских людей, просто врожденный. Он мог подобрать любую мелодию, а песен знал совершенно невероятное количество: и волжские песни, и, конечно, все революционные песни.

Память у него была большая, и он как-то удивительно умел ею управлять. Например, все, что ему не нужно, он сознательно отбрасывал. Это было очень хорошо для его умственной жизни, но, может быть, для его жизни, так сказать, личной даже несколько обедняло его, потому что он многого не замечал, не интересовался, мог забыть или просто отвести от себя что-то тяжелое, неприятное, вместо того, чтобы как-то что-то сделать, он просто это отметал и забывал по своей воле. Помнил он тоже очень много стихов и очень любил стихи Некрасова, и часто как-то употреблял это в своих статьях или в шутке о ком-нибудь. Вообще он очень любил подшучивать над людьми, и немножко так ехидно говорить. И часто на него сердились люди и обижались, хотя он сам лично относился очень добродушно к насмешкам над собой.

Вообще, часто о нем говорят как о человеке хитром, любившем похитрить, но это совершенно неправильно. Вот я вспоминаю, не могу сейчас точно сказать, но есть чудесное высказывание Суворова о том, что не тот хитрый человек, который хитрит, или старается вас обойти, а хитрый тот, о котором никто не скажет, что он хитрец. Ну как раз у отца моего был такой хитрый прищур, он любил подковырнуть человека, что-то сказать, но настоящей хитрости у него совершенно не было. Я помню даже в детстве, когда ему хотелось, скажем, избавиться от какого-нибудь визита, ненужного и скучного для него, переодеться в более парадную одежду (это он ненавидел), как он хитрил, чтобы как-то так этого избежать, и всегда это было белыми нитками шито, и даже я, такая маленькая девочка, видела, что он хочет что-то такое схитрить, но никогда это ему не удавалось, и мама сейчас же видела, в чем дело.

Был он очень веселый. Вообще у нас в доме любили веселье, часто устраивали маскарады, игры разные, часто играли в карты. Вообще это была эсеровская игра – игра в подкидного дурака.

В.Д. (*смеется*): Почему эсеровская игра?

А.С.: Вот так считалось. В связи с этим мне хочется рассказать об одном случае, довольно забавном. Это было в 1907-м году, еще до моего рождения, и мама жила в Териоках*, и у нее гостила Вера Фигнер. Вера Фигнер незадолго перед тем вышла из тюрьмы, и ей было очень тяжело приспособиться к жизни нормальной.

* Название Зеленогорска до 1948 г.

В.Д.: Она ведь в Шлиссельбурге сидела?

А.С.: Да, она в Шлиссельбурге, много-много лет. Вообще выглядела она очень молодо, держалась прямо, была очень резкой, но она совершенно как-то не могла шума выносить, потому что столько лет за толстыми стенами, куда ничего не доносилось, очень сказались и на ее нервах, каждый шум – все ей мешало. Она долго не могла нигде устроиться, потому что всюду было ужасное наблюдение за ней, все-таки ее продолжали бояться. Наконец, она приехала к маме (тогда это была Финляндия – Териоки) и осталась жить у мамы.

Когда она заметила, что... Однажды у нас играли в карты, взрослые, она ужасно огорчилась: как, люди, революционеры, отдавшие свою жизнь борьбе за народ – и вдруг играют в карты! Для нее это было просто как рана, и мама, конечно, обещала ей, что ни за что больше играть не будет. И вот прошло некоторое время, и приехал к ним в дом Иван Николаевич, то есть (это была партийная кличка) Азеф. Приехал Азеф и после целого дня разговоров (он приехал по делам, поговорил с отцом) и на другой день должен был уехать. Вечером, когда уже Вера Николаевна ушла (она очень рано ложилась спать, так она привыкла, не могла ничего поделывать с этой привычкой), Азеф попросил поиграть в дурочка, в подкидного дурака. Ну, мама сказала, что это невозможно, потому что вот, Вера Николаевна не хочет. Но он засмеялся и сказал: «Что вы, что вы! Она же не услышит! Она спит, мы пойдем там в ту дальнюю комнату и там тихонечко поиграем». Мой отец тоже стал уговаривать, говорит, вот Ивану Николаевичу предстоит такое трудное

дело (все, конечно, думали, что ему страшное что-то грозит в России), и давайте поиграем, чтобы как-то рассеяться. Поиграли немножко, потом все легли спать. На другое утро мама спустилась вниз, и вдруг входит Вера Николаевна, в совершенно необычном для нее волнении, на ее всегда очень белом гладком лице красные пятна. Она подходит к маме: «Оля! Как ты могла, ты, с твоими честными глазами, ты могла так меня обмануть! Мне Иван Николаевич сказал, что вы потихоньку от меня играли в дурачка».

В.Д.: Иван Николаевич сказал?

А.С.: Да.

В.Д.: Азеф?

А.С.: Азеф.

В.Д.: А он уехал? Не уехал еще?

А.С.: Нет, он еще не уехал.

В.Д.: Он тут же, предатель.

А.С.: Предатель. Теперь послушайте, что дальше было. Мама ушла к себе страшно расстроенная, ужасно ей было тяжело. Неприятно. И в это время, значит, время уже Азефу уезжать. Отец говорит: «Вот иди, простись с Азефом, он уезжает». Мама говорит: «Ни за что! Так поступил, так поступил! Я не могу». Ну, в общем, тогда Азеф сам поднялся и стал говорить: «Ну что вы, это ж просто шутка была! Я пошутил». А у мамы бывали такие иногда страшные приступы раздражения и вспыльчивости, вдруг закричала ему: «Уйдите, уйдите, вы поступили, как предатель! Как предатель!» И он (мама говорила), никогда я не забуду, как он пошел по лестнице вниз, (это было наверху, в ее комнате), он спускался вниз по лестнице и громко заливисто хохотал. Вероятно, думал: вот дура, сказала правду, а никто об этом даже не подозревает.

Е.Ф. Азеф

В.Д.: Он бывал у вас еще после этого? До разоблачения?

А.С.: Да, он бывал все время до разоблачения, и даже в момент разоблачения отец поехал в Лондон, сговариваться, узнать, правда ли это. Ведь это же было сказано...

В.Д.: С думской трибуны, по-моему?

А.С.: Нет-нет-нет, нет-нет, это разоблачил его знаменитый, боже мой, как же его...

В.Д.: Не жандармский Джунковский, который ночным сторожем работал...

А.С.: Нет-нет, сейчас я вам скажу... Разоблачил его Бурцев, а Бурцеву сказал Лопухин, который имел отношение каким-то образом к III Отделению, но он считал возмутительным такое ведение дел, и он сознательно, желая, чтобы как-то более чисто делали, даже преследовали пусть, но не таким путем предательства, поэтому он сказал это Бурцеву. Отец не поверил.

В.Д.: Журналистом он был?

А.С.: Да, да-да.

В.Д.: Кадетствующим журналистом.

А.С.: Да-да, и после этого он вообще сделал своей профессией, вроде, – как разоблачение этих

provokatorov.

В.Д.: А Лопухин этот чем был известен? Он был...

А.С.: Он был...

В.Д.: ...журналист или...

А.С.: Нет-нет, он был член какой-то Думы или при дворе он что-то такое был, в общем, близким к царской власти, да-да, человеком.

В.Д.: И Виктор Михайлович поехал в Лондон?

А.С.: Чтобы там повидаться с кем-то, кто мог бы ему это подтвердить, потому что абсолютно не верили тому, что он может быть предателем. Причем очень странно: самые разные люди. Отец мой был очень умным человеком, но в нем был некоторый идеализм, вероятно. Потом в делах таких житейских, жизненных, он не так разбирался. Он мог, я себе больше представляю... Но скажем, Савинков – человек с умом весьма критическим и даже циничным немножко, человек очень умный, он тоже абсолютно ему верил. Каляев – необычайной чистоты, какой-то нежности, даже женского немножко настроя души, который просто каким-то чувством мог узнать. Вот никто не верил.

И между прочим, тут есть два мнения. Некоторые считают, что он просто из денег, из корысти это делал. Мой отец и мать моя считали, что это не так, что, в общем, он был втянут совершенно случайно. Он был студентом, учился на инженера, если не ошибаюсь, и его на какой-то сходке где-то арестовали, и, в общем, он решил, что для того, чтобы кончить свое образование, он будет давать, ну, некоторые сведенья. И, как и многие люди, он думал: ну, я их обойду! Я что-то им скажу, чего-то не скажу, и в общем, как-то так вот мне удастся увильнуть. Но это ему не удалось, и постепенно его затягивали все больше и больше, а потом уже он, наверное, находил даже удовольствие в этой игре, в том, что ему так верили.

Надо сказать, что внешне он был очень непривлекательный. В нем вообще ничего не было приятного такого, так что чем он мог нравиться – не понятно. Между прочим, когда он в первый раз пришел в наш дом, то наша няня, простая, очень такая милая хорошая женщина, пришла к маме и говорит: «Ольга Елисеевна, к вам шпик какой-то пришел!» – потому что вид у него был такой. Няня уже знала много шпиков и много революционеров, которые бывали в доме, и ей он сразу показался таким... Так что как он мог так всех людей покорить и такое внушить к себе доверие, это не понятно.

В.Д.: А он был членом и вошел в ЦК?

А.С.: В ЦК, нет, он в боевую организацию, в ЦК он не был, но в боевой организации он был одним из главных там.

В.С.: Он организовывал террор.

А.С.: Да, он сам лично не делал, но он организовывал. Причем, часть каких-то он выдавал, а часть не выдавал, не все, некоторые вещи, которые он знал, он не выдавал.

И вообще, например, к царскому правительству у него никакой симпатии не было. Он был еврей, очень переживал погромы, очень переживал...

В.Д.: Какая его настоящая фамилия?

А.С.: Я не помню.

В.Д.: Азеф – это?..

А.С.: Нет, Азеф – это его фамилия, кличка у него была Иван Николаевич. Вот какое-то имя его было, очень еврейское, я не помню. И конечно, это у него какая-то игра была. Он вообще на бирже любил играть, вообще любил жизнь хорошую. Но когда узнали о том, что вот он предал, то даже была одна женщина в Париже, которая покончила с собой, и не потому, что он лично ей был дорог, а просто вот настолько

она уж изверилась, что уж если Азеф мог предать, то вообще ничему верить нельзя.

В.Д.: А имя стало, вошло в язык как...

А.С.: Символ предательства.

В.Д.: Помните: «Ночь глазами не проломаем черными, как Азеф». У Маяковского в «Облаке в штанах». Так. Очень интересно.

А.С.: Последние свои годы отец прожил в Америке, где было ему очень тяжело. До этого он жил в Праге, и там у него было много друзей. Были друзья и во Франции, в Бельгии – [Эмиль] Вандервельде, [Пьер] Рендель и [Леон] Блюм – в Париже, в Чехии – [Томаш] Масарик и его окружение. В общем, он как-то чувствовал себя среди своих товарищей.

” Когда же он очутился в Америке, там он почувствовал какое-то безвоздушное пространство. Были там прежние его товарищи, но они как-то не совсем вошли в американскую жизнь.

В.Д.: А как он попал в Америку?

А.С.: А в Америку он попал так. Когда начался, значит... после Мюнхена он оставил Чехию, уже в предчувствии войны, и приехал во Францию со своей последней женой. Они жили в Париже несколько месяцев и в начале войны, когда началась война и немцы стали подходить к Парижу, он поехал на Олерон, где жили мы: я, моя мама и сестры. Приехали мы туда... наполовину шли, половину — самым разным транспортом, потому что уже железные дороги нормально не ходили, он приехал на Олерон и прожил там некоторое время.

В.Д.: Что такое Олерон?

А.С.: Олерон – это остров, на котором мы как раз с Володей жили, где мы занимались с французскими и русскими, пришедшими, которые там были, то есть занимались Французским Сопротивлением – это уже после, когда немцы уже зашли, да. А тут сначала немцы взяли Париж, потом они пришли на Олерон, а отец в это время уехал в ту часть Франции (ведь она была разделена на две зоны), в ту зону, не оккупированную зону, и оттуда, там были уже для всех визы присланы из Америки, и на пароходах, которые шли из французского порта в Лиссабон, или как-то вот в Португалию, и оттуда уже в Америку. И очень многие эмигранты уехали тогда, все, кому грозило...

В.Д.: От немцев?

А.С.: Да, от немцев. И квартира, в которой жил отец, он ушел, взяв только несколько рукописей и две-три вещи носильных, квартира была разграблена совершенно, рукописи его взяты и уничтожены, я не знаю, что, в общем, за ним... очень так сказать, его искали, потому что знали, что он антифашист очень большой...

В.Д.: Он антинемецки?..

А.С.: Антинемецкий, ну, еще бы! К немцам у него было отношение самое отрицательное. И, например, когда бывший его друг Иванов-Разумник, с которым он очень дружил, вместе редактором был, когда Иванов-Разумник попал в Германию, и там участвовал, писал в немецких журналах, отец отказался с ним сноситься, и на письмо Иванова-Разумника не ответил, потому что он не мог себе представить, что человек, который с врагами Родины каким-то образом все-таки работает, мог бы продолжать с ним отношения.

В.Д.: Да, Иванов-Разумник был где-то в оккупированных областях, и потом уехал и сотрудничал в фашистской прессе.

А.С.: Так что отец не только никогда не ответил, но даже в том журнале, в котором он участвовал, поставил условием, чтобы там не печатали Иванова-Разумника.

Ну, кроме этого... Вообще ему жилось тяжело, потому что те товарищи, которые его окружали, как-то и не вошли в жизнь американскую и от России были очень далекими, ничего не знали, и жил он, как я говорила уже в безвоздушном пространстве. Физически он себя не так уже хорошо чувствовал, у него был один удар, потом второй, и вот, помню, в последний... Да, он никогда не жаловался вообще на свою жизнь, никогда у него не было того, что очень часто встречалось у эмигрантов – ругать все заграничное и вспоминать Россию, что вот у нас, все наше хорошо, а все это плохо – этого у него не было. И только я помню... Да, американцы у него иногда бывали, но очень поверхностные. Люди интересовались главным образом какой-то сенсацией, уже отец в этом смысле не представлял для них интереса, ну и прошлым интересовались, но очень поверхностно, как вообще большинство, не скажу все, конечно, но большинство средних американцев, очень-очень поверхностны.

В.Д.: А с Керенским он там не познакомится?

А.С.: Да, они встречались.

В.Д.: В Соединенных Штатах?

А.С.: Да, да, они встречались. Вообще отец его не выносил раньше.

В.Д.: Да?

А.С.: Да, считал его легкомысленным, вообще несерьезным. Отец был теоретиком, он действительно... А Керенский, он поймал какой-то момент, выскочил, и, в общем, настоящим серьезным социалистом отец его не считал и лично к нему относился неважно. Но тут уже оба были в большом возрасте, так что отец с ним стал видаться и неплохо даже к нему относился. Ну, встречался он еще с Даном и Абрамовичем – меньшевики, которые были там.

В.Д.: Значит, это уже после войны?

А.С.: Это после войн, да, да. Но вот, помню, когда он был очень болен, как-то плохо себя чувствовал, я приходила немножко ухаживать за ним. И как-то я ему сказала, после того, как ему лекарство какое-то давали, уколы...

В.Д.: Простите, вы были тоже уже в Америке?

А.С.: Да-да, мы были в Америке, муж работал в Объединенных Нациях, и мы приехали, но много позже: мы – в 48-м, а он – во время войны.

В.Д.: Примерно лет восемь вы с ним не виделись? В 40-м году он перебрался в Америку, а вы в 48-м приехали туда уже как сотрудник советской...

А.С.: Да-да, с советской.

В.Д.: С делегацией Организации Объединенных Наций?

А.С.: Мы с ним о политике никогда не говорили. Только он иногда давал мне свои какие-нибудь статьи, даже журналы антисоветские. Я ему тихонько приносила советские книги: Катаева, я помню, еще что-то. Но разговоров у нас о политике никогда не было, потому что у нас очень разные были взгляды.

В.Д.: Что Катаева? «Время, вперед!»?

А.С.: Нет-нет, это еще...

В.Д.: «Белеет парус...»?

А.С.: «Белеет парус...», такие вещи. Вот. Ну вот я хотела сказать, что только один раз он как показал,

как ему там было тяжело. Я сказала ему: «Вот, теперь, значит, все кончено, тебе сделали укол, ложись, ляг и, знаешь, как говорят американцы? Relax – это значит, как-то освободись, расслабься, успокойся, вот такое слово – relax...

В.Д.: Это тот же корень, что *laisser* французское??

А.С.: Да. И вдруг он с такой горечью сказал: «Боже мой, американцы та-ки-е дураки!» Это единственный раз, когда я слышала от него такое слово, потому что он вообще был интернационалист, ни об одном народе, никогда такой вещи он не мог сказать, а тут во время болезни.... потому что как-то ему было тяжело... Вот, что еще?

В.Д.: Когда же он умер?

А.С.: Он умер в 52-м году, в марте.

В.Д.: Так недавно? Значит, он даже не пережил Сталина.

А.С.: Сталина? Нет, нет.

В.Д.: Из ваших попутных замечаний я понял, что ваши родители расстались?

А.С.: Расстались, да.

В.Д.: А значит, до 20-го года вы жили одной семьей: Ольга Елисеевна, вы, сестра ваша?

А.С.: Да, две сестры: Оля и Наташа.

В.Д.: Ага, братьев у вас не было?

А.С.: У меня был, но он умер в 14-м году.

В.Д.: И вы...

А.С.: Мы жили не все время вместе, потому что жизнь нас бросала, в общем. Одно время отец поехал на юг России, он думал участвовать в антикоммунистическом движении, но когда он увидел, во что вылилось белое движение, он пришел в такой ужас, и там его чуть не расстреляли уже белые, потому что все-таки он был очень же левый, так что он оттуда уехал и...

В.Д.: Простите, а разве не он возглавлял Комитет членов Учредительного собрания в Самаре?

А.С.: Вот он поехал туда, но очень скоро там разочаровался и бежал оттуда.

В.Д.: И бежал оттуда, и что же он – в Москву?

А.С.: В Москву опять, да.

В.Д.: Он с Волги вернулся в Москву?

А.С.: Вернулся в Москву.

В.Д.: И что, он тут скрывался?

А.С.: Да-да. Ну что ж, мы жили в Молоденове тогда, на даче, и он скрывался А потом он переехал, паспорт получил эстонский – и уехал, а мы оставались.

В.Д.: Вот когда мы (*усмехается*) полвека назад встретились в пансионате Лиги спасения детей?..

А.С.: Да-да, то отца уже не было, он уехал уже за границу.

В.Д.: То отец уже уехал за границу?

А.С.: За границу, да. Почему же он не взял с собой семью?

А.С.: Ну, знаете, и одному человеку было очень трудно проехать...

В.Д.: Ах, он нелегально уехал.

А.С.: Нелегально. Вот я говорю: с паспортом эстонского садовника.

В.Д.: Значит, его тут искали?

А.С.: Его искали, да-да, его искали. Один раз даже у нас, еще до этого, был обыск, и каким-то образом, кто-то то ли донес, то ли слухи дошли, в общем, искали Чернова. Но по странному совпадению рядом с нами жил Чернов. И когда спросили: «Вы Черновы?» – моя сестра, еще девочка, сказала: «Черновы там живут!». Это были совсем другие Черновы, не родственники, другого возраста, так что никак их заподозрить в этом нельзя было, и таким образом ему удалось спастись.

В.Д.: А вас и Ольгу Елисеевну?..

А.С.: Да, мы были в тюрьме одно время. Мама довольно долго, а мы не очень долго.

В.Д.: То есть вы детьми?..

А.С.: Да-да, я девочкой, я девочкой. Меня арестовали, но Красный Крест, вот Екатерина Павловна Пешкова, еще до этого была такая Дивильковская. Она была замужем за коммунистом, жила в отеле «Националь», и вот она меня сначала взяла к себе...

В.Д.: Вам было лет двенадцать – тринадцать?

А.С.: Нет, мне меньше было, тогда было одиннадцать. Она меня взяла к себе, стала говорить: «Ну, как же вот, детей арестовывают, как же можно?» И ей Лацис, который там же жил, сказал...

В.Д.: Лацис? Это чекист?

А.С.: Чекист, да-да. Он сказал: «А что нам делать? У них никого нет. Мать мы не можем отпустить, потому что мать тоже была, за ней были вины какие-то, а что нам делать с детьми?» Тогда Дивильковская сказала: «Дайте мне». И она взяла меня к себе, а потом уже и Екатерина Павловна. Тогда меня и поместили в Серебряный Бор...

В.Д.: В колонию...

А.С.: ...в колонию Лиги спасения детей.

(Часть диалога нрзб.)

А.С.: Да. А потом уже по просьбе Горького нас отпустили за границу к отцу.

В.Д.: А уже было известно, что Виктор Михайлович там?

А.С.: Да-да, он уже стал писать статьи и все такое, так что...

В.Д.: Это ЧК еще было... это еще Дзержинский был?

А.С.: Да, Дзержинский и Екатерина Павловна Пешкова. Вы знаете о ней, нет?

В.Д.: Ну, конечно!

А.С.: Совершенно изумительная женщина!

В.Д.: Изумительная?

А.С.: Изумительная! Она и Винавер – вот это были два человека, которые занимались Красным Крестом, и необычайно много делали, не покладая рук, они заботились, старались и вообще судьбу людей узнать, что и как – очень много делали.

В.Д.: Это продолжалось до 31-го года...

А.С.: Екатерина Павловна что-то невероятное сделала, не знаю, сколько тысяч людей ее с благодарностью вспоминают.

В.Д.: Потом вот Владимир Брониславович упоминал, что вы были и с матерью, и с отцом в Италии?

А.С.: В Италии? Ну, это в детстве нашем, да. Это было мое детство. Значит, мне было четыре года примерно и до самой революции мы жили в Италии. У мамы был там дом.

В.Д.: Война вас там застала?

А.С.: Да, там застала война и революция. Отец поехал первый, через Англию. Он не хотел ехать через Германию, знаете, тогда предоставлялась возможность?

В.Д.: Да.

А.С.: А позже немножко поехали и мы, тоже через Англию. Перебирались, это было очень-очень трудно, очень сложно, тогда боялись подводных лодок, надо было... Мы не знали, когда пароход выйдет, чтобы никто не знал, и ждали, были очереди. Я, между прочим, вытаскивала эти номера, кому ехать первым, кому – вторым. И надо было ждать в отеле. И только в тот день, когда надо было ехать, нас оповещали, и мы поехали на пароходе, с потушенными огнями, в темноте, и через... морем в Норвегию. А там уже поездом в Россию.

В.Д.: Там уже поездом через Норвегию в Финляндию...

А.С.: В Финляндию и в Петроград (тогда еще Петроград был), к отцу, который тогда... Мы его даже почти не видели, он всегда страшно много был занят, работал, вообще еле говорил, потому что у него уже горло совершенно уже отказывало...

В.Д.: Значит, вы приехали...

А.С.: В мае месяце.

В.Д.: Какого года?

А.С.: 17-го.

В.Д.: 17-го, то есть как раз в разгар его политической карьеры, когда партия эсеров получила победу... на каких-то, я уж не помню, выборах... Это еще не Учредительное собрание было.

А.С.: Но мама не хотела, чтобы мы жили тогда вместе с отцом, потом что он просто был слишком занят, и потом – слишком такое положение. Мама хотела, чтобы мы жили просто и скромно. И мы жили в Москве, ходили в гимназию в Москве и в общем...

В.Д.: А Виктор Михайлович в Петербурге?

А.С.: А он – там, да.

В.Д.: Простите, я забыл, в это время в правительство он не входил, по-моему?

А.С.: Он одно время входил, очень короткое время, но потом он ушел

В.Д.: Но он был в Совете рабочих и крестьянских депутатов, да?

А.С.: Да-да. И потом был выбран председателем Учредительного...

В.Д.: Учредительного собрания. Это вот один день.

А.С.: Да-да, один день.

В.Д.: А вы, когда этот день был, вы?..

А.С.: Мы были в Москве.

В.Д.: А Учредительное собрание собралось в Петрограде.

А.С.: Да-да.

В.Д.: Я читал чьи-то воспоминания об Учредительном собрании, не помню, чьи. Это был сборник – «Пережитое», вышедший здесь, у нас, в 18-м году, к первой годовщине Февральской революции. А у вас, так сказать... параллельно с этим... собственно, мать и отец стали жить отдельно...

А.С.: Да.

В.Д.: Тут как-то разладилась и их личная жизнь?

А.С.: Да-да.

В.Д.: Когда же он расстался с вами?

А.С.: Ну в общем, когда мы приехали (это все довольно сложно), когда мы приехали, он еще не расстался, но с ним была женщина, которая с ним странствовала во время вот этих путешествий. Она говорила, что она спасла его жизнь, и что она без него не может, и в общем, тут была довольно тяжелая такая... Ему нужно было выбирать между двумя, но она была одинокая, несчастная, грозила самоубийством – в общем, он остался с ней. Но она была ему хорошей женой, в смысле, так сказать, того, что она заботилась и все. Но очень ревнива, как-то его очень...

В.Д.: Вас отстраняла?

А.С.: Ну, нас: маму – ужасно, меня – нет, но очень всех друзей. Он очень дружил, такой Русанов был, никогда не слышали? Тоже социал-революционер, но старше по поколению, чем мой отец. Он чудесную книгу на великолепном русском языке издал, это было в издательстве Гржебина, так что я думаю, что она должна быть у нас, вот с ним отец очень дружил, а тут тоже как-то у них тоже разладилось из-за нее.

В.Д.: То есть она...

А.С.: Ревнивая была, да-да.

В.Д.: И вы уже, собственно, после Февральской революции с отцом мало общались?

А.С.: Мало, но вот в Берлине... Мы жили уже отдельно, но он приходил часто, да, потом вот когда в Париж...

В.Д.: Это уже эмиграция?

А.С.: Это эмиграция.

В.Д.: Это когда? Год 20-й?

А.С.: Это 20-е годы, да-да-да, мы сначала приехали в Эстонию, потом в Берлин, и вот там уже мы жили отдельно, мои родители, а затем, после Мюнхена, он приехал в Париж и тоже остановился у нас.

В.Д.: Значит, вы уехали очень скоро.

А.С.: Мы уехали в 21-м году с мамой. Мы уехали через эстонскую границу в Эстонию по хлопотам Горького и Екатерины Павловны.

В.Д.: Да, как интересно. 5 марта 21-го года за мной пришел брат туда, в Серебряный Бор, и я уехал, а вы, значит, еще пробыли там месяц, а затем – сразу за границу.

А.С.: За границу.

В.Д.: Да, все еще не самостоятельными (?), очень интересно. (*Перерыв в записи. Обращается к Сосинскому.*) Владимир Брониславович, а вы когда познакомились с вашей невестой, то с ее отцом уже познакомились?

В.С.: Да, в Париже, примерно в 1925 году я стал, так сказать, официально женихом Ариадны Викторовны, но я был женихом в течение четырех лет. И не помню, в это ли время или немножко позже, приезжал в Париж с целым рядом лекций после турне в Польше и в Соединенных Штатах Виктор Михайлович. Должен сказать, что, может быть, это будет отчасти не совсем объективное ощущение и отношение к человеку у меня, потому что я был влюблен в свою жену, и естественно, эта любовь перешла немного и к отцу этого человека, то есть к отцу Ариадны Викторовны.

Но вот сейчас, на расстоянии лет, а лет, пожалуй, уже порядочно, почти столетия, мне кажется, что мое ощущение было верное, что это человек очень большого ума, очень большой силы убедительности, и не нам, молокососам, было тягаться с ним в спорах или дискуссиях. Он всегда нас укладывал на обе лопатки в каких-нибудь пять – шесть минут. Должен сказать, что у меня такое ощущение осталось навсегда, что поколение моих отцов было значительно сильнее и интереснее нашего поколения. Может быть, это не совсем так. Но вот к этим людям я причисляю и Ленина, и вот из людей, которых я встречал в эмиграции, я, конечно, на первое место поставлю Чернова.

У него не было каких-то стремлений личных или мыслей о какой-то карьере, или о чем-то там для себя выгодном. Он даже своей любимой дочери не мог дать высшего образования, когда чехи давали тысячи стипендий простым детям эмигрантов! Он стеснялся прийти в свою партийную кассу, из которой шли эти деньги, попросить для своей же дочери! И вообще это человек, который поражал во всех отношениях: и своей честностью и своей такой открытостью и так далее, и в то же время мы чувствовали огромный аппарат эрудиции, памяти и ума человеческого. Это кто-то говорил о Ленине, что можно было посмотреть, как работает в черепной коробке его мысль – так он говорил. Вот такое впечатление у меня и о Чернове, что он удивительно много знал, хранил... Он знал много языков. Он великолепно читал на всех языках, говорил иногда с акцентом, там, по-немецки, по-английски или по-французски. Но для него не существовало ничего, что бы он не мог преодолеть и что бы он не мог изучить.

И вот это качество его, которое доминировало над всеми другими качествами в его характере, в душе и в его строении, мне показалось чем-то, граничащим с каким-то чудом. Он, конечно, был гораздо сильнее и интереснее в личном общении, чем в своих трудах и в своих книгах. Поэтому есть люди, которые, может быть, и не оставляют большого следа в истории человечества, но в отношениях живых людей они оставляют глубокий след.

Я должен сказать, что Виктор Михайлович – это человек, встреча с которым для меня была, как бы сказать, может быть, основной в моей жизни. Конечно, сейчас после стольких лет, после пятидесяти пяти лет Октябрьской революции, нельзя очень славословить или говорить лестные слова противникам этой Октябрьской революции, но здесь нужно подходить как к материалу человеческому, а не только как к той или другой стороне политики, которую он проводил.

Напомню только одну маленькую вещь. В книге Джона Рида, и вы ее найдете в издании 40-х – 50-х годов, повторяется та же самая фраза, что спасение и самое лучшее, что было бы для русской революции, – это соединение таких двух людей воедино, как Чернов и Ленин.

В.Д.: Это в книге Рида?

В.С.: Рид. И в сегодняшних его изданиях печатается, так что это вещь всем известная. Действительно, он на голову выше всех политических деятелей того времени, если не считать Ленина, Троцкого и так далее. Во всяком случае, это фигура очень крупного масштаба.

В.Д.: Керенский был мельче?

В.С.: Никакого сомнения! Хотя он обладал дарованием, которое, я сказал бы... красноречием, исходящим... не в словах, а в чувствах, в эмоциях. Это был актер потрясающего дарования, Керенский. Но все-таки актер. А настоящий человек? Вот настоящих людей я вижу вот так.

Но хочу сказать еще последнее слово, что Ариадна Викторовна очень правильно заметила, что он старался то, что ему, ну, было неприятно думать, как-то закрыть глаза на это. Страусовая политика была по отношению к семейным делам у него. Вот, например, такой маленький... маленький пустячок, маленький такой: он Ариадне всегда присылал свою стипендию, которую... он ее из своих заработков выделял, так? Но это было до дня свадьбы. Мы так же по-прежнему нуждались, как и до свадьбы, так что можно было бы и не делать этого, но он старался об этом не думать. Вот такие мелочи, которые я так вспоминаю в связи с такой крупной личностью, меня до сих пор удивляют. Ну вот, это примерно так, в двух словах.

В.Д.: Простите, а с Мартовым вам не приходилось встречаться?

В.С.: Мартов? Нет. Мартов очень скоро умер.

В.Д.: В 23-м году, да, а вообще, вокруг эсеров были и меньшевики, ну, Дан, Абрамович.

В.С.: Ну, я знал жену Дана, я знал много эсеров таких, как Василий Васильевич Сухомлин...

В.Д.: Последние годы перед смертью Виктор Михайлович вообще тосковал о России?

А.С.: О, просто даже и сказать нельзя, как! Потому что он... и природа русская и даже русская еда – все его... страшно всего ему не хватало. Он был настолько русский, что он нигде бы не смог прижиться.

В.Д.: Ну, спасибо, тут нас торопят, на этом уж мы оборвем...